

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

УДК 94(47+57):316.653

ББК 63.3(2)+60.028.131

Патриотическое воспитание в постсоветских де-факто государствах: идентичности и практики

С.В. Голунов

Институт мировой экономики и международных отношений РАН (Москва, Россия)

Patriotic Education in Post-Soviet De Facto States: Identities and Practices

S.V. Golunov

Institute of World Economy and International Relations RAS (Moscow, Russia)

В работе анализируется специфика «официального» патриотизма и патриотического воспитания в постсоветских де-факто (непризнанных) государствах. Ставится вопрос о том, каким образом в официальном патриотическом дискурсе отражаются проблемы дефицита международного признания и ограниченности имеющихся в распоряжении ресурсов. Предпринимается попытка концептуализации патриотического воспитания в контексте де-факто государственности; анализируются особенности тех идентичностей, которые легли в основу патриотического воспитания, а также некоторые особенности практической реализации концептуальных идей патриотического воспитания в постсоветских де-факто государствах. Делается вывод о том, что эффективность патриотического воспитания осложняется дефицитом международного признания, ограниченностью ресурсов, а сильнейшее идеологическое влияние государства-патрона и распространенность двойного гражданства в известной мере размывают патриотическую лояльность. Характерными особенностями патриотического воспитания в постсоветских де-факто государствах также являются повышенная роль военизированного компонента, а также коммеморация «войн за независимость».

Ключевые слова: постсоветские де-факто государства, материнское государство, государство-патрон, патриотизм, патриотическое воспитание.

The article considers specific features of official patriotism and patriotic education in post-Soviet de facto (unrecognized) states. It discusses the question of how the official patriotic discourse reflects the issues of international recognition deficit and of scarcity of available resources. The author attempts to conceptualize patriotic upbringing in the light of de facto statehood, analyzes specific features of those identities that underlie the patriotic education in the context of de facto statehood as well as some aspects of implementation of patriotic education concepts in post-Soviet de facto states. The author concludes that the deficit of international recognition, scarcity of resources and uncertain prospects for future development make propagation of patriotic values more complicated while strong influence of a patron state and prevalence of double citizenships erode patriotic loyalties to some extent. Among specific features of patriotic education in post-Soviet de facto states are also the enhanced role of militarized practices and commemoration of “wars for independence”.

Key words: post-Soviet de facto states, parent state, patron state, patriotism, patriotic education.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)6-09

Постсоветское пространство является регионом наибольшей концентрации де-факто (непризнанных) государств, которых в настоящее время насчитывается шесть: Абхазия, Донецкая и Луганская народные республики (ДНР и ЛНР), Нагорный Карабах, Приднестровская Молдавская Республика (ПМР) и Южная Осетия. Поскольку суверенитет и границы этих политических образований не защищены международным правом и жестко оспариваются материнскими государствами*, их жизнеспособность во многом определяется эффективностью внутреннего суверенитета и способностью мобилизовать ресурсы в его поддержку. Важную роль в данном контексте играет апелляция к патриотизму, в духе которого власти де-факто государств стремятся воспитывать подрастающее поколение.

В чем заключается специфика «официального» патриотизма и патриотического воспитания в постсоветских де-факто государствах? Каким образом в официальном патриотическом дискурсе отражаются проблемы непризнанности?

Настоящая работа основана на систематическом анализе официальных документов и релизов, идентифицированных на сайтах правительств постсоветских де-факто государств. Кроме того, по большей части в качестве анализируемых источников используются посвященные патриотическому воспитанию работы исследователей из постсоветских де-факто государств.

Проблемы концептуализации

Патриотизм является многомерным понятием, допускающим различные интерпретации. При определении его базовых характеристик основной акцент, как правило, делается на эмоциональную составляющую, включая любовь к Родине (вплоть до готовности к самопожертвованию), гордость за нее, уважение к государству, его символам, органам власти и т.п. Ожидается, что типичный патриот должен придерживаться определенных норм поведения и обладать нужными стране знаниями и навыками: разделять традиционные и/или гражданские ценности, изучать историю, культуру и (в ряде случаев) военное дело, хорошо ориентироваться в политической жизни страны.

Мейнстримные подходы к определению содержания понятия «патриотизм», доминирующие в официальных дискурсах и практиках, подвергаются серьезной критике (подробнее см.: [1, с. 258–273]). Во-первых, патриотический дискурс нередко строится на агрессивном противопоставлении «себя» Другому, в качестве которого могут выступать иные

страны или внутренние критики данного дискурса. Это создает предпосылки для роста шовинистических настроений и преследования инакомыслящих. Во-вторых, мейнстримное патриотическое воспитание зачастую избирательно относится к культивируемым им качествам, акцентируя политически удобные (уважение к государству, готовность воевать и т.п.) и отодвигая на второй план менее политически удобные качества, в том числе честность, принципиальность и наличие критического мышления. В-третьих, воспитание таких эмоционально обусловленных качеств, как любовь к Родине и уважение, входят в некоторое противоречие с формальным характером значительной части патриотических мероприятий. В-четвертых, в таких мероприятиях нередко наблюдается перекокс в сторону военизированного компонента, в результате чего такое воспитание во многом превращается в подготовку к военной службе молодых людей мужского пола.

Следует, однако, отметить, что не все концептуальные версии патриотизма явно уязвимы для такого рода критики. Так, ориентированная на воспитание гражданина демократического общества версия вполне может делать акцент на воспитание честности, принципиальности и способности к критическому мышлению, а этически ориентированная версия патриотизма — на приоритете общечеловеческой морали над национальным эгоизмом вплоть до чувства стыда за действия своего государства.

Каким образом дефицит международного признания может отражаться на характере патриотического дискурса? Де-факто государства — это особый вид политических образований, которые фактически являются независимыми (и в ряде случаев даже формально признаются в качестве таковых некоторыми признанными государствами), но при этом их государственность не признается ООН легитимной. Если опираться на классификацию видов суверенитета С. Краснера, то де-факто государства имеют лишь суверенитет внутренний (монополию на использование легитимного насилия на своей территории) и (с оговорками) суверенитет контроля над трансграничными потоками. При этом де-факто государства не обладают признаваемой ООН независимостью от вышестоящих властей и международно-правовым суверенитетом [2]. Учитывая, что непризнанная международным сообществом государственность основана почти исключительно на внутреннем суверенитете, продвижение патриотизма может рассматриваться как деятельность по укреплению внутреннего суверенитета, а патриотическое воспитание — как важное направление такой деятельности.

Однако дефицит международного признания, малые размеры и ограниченность ресурсов ставят перед де-факто государствами специфические проблемы. Если в крупных государствах с длительной

* Материнские государства — международно признанные государства, которые ранее контролировали территории соответствующих де-факто государств.

историей и мощным потенциалом идеологам достаточно легко найти поводы для «патриотической гордости», то идеологам из де-факто государств решить эту задачу сложнее. Между тем отсутствие веских поводов для гордости и уважения способно усугубить проблему эмиграции, связанную не только со сложностью текущих материальных условий, но и с неверием в перспективы своего государственного образования. Болезненность этой проблемы для де-факто государств косвенно признается рядом проживающих в них исследователей и практиков, в числе прочего сетующих на желание молодежи получать образование за рубежом с тем, чтобы не возвращаться обратно (см., например: [3, с. 34–37]).

Специфической особенностью постсоветских де-факто государств можно считать узость круга непосредственных соседей, который сводится в первую очередь к материнским государствам и государствам-патронам^{**}. Если первые являются для де-факто государств значимым Другим, на противопоставлении которому строится мобилизационная идеология, то вторые играют роль опоры, без которых само существование де-факто государств оказалось бы под большим вопросом. Вместе с тем углубляющаяся зависимость де-факто государств от патронов создает реальную перспективу поглощения первых вторыми, что является вызовом самопровозглашенной государственности, требующим осмысления в рамках официального патриотического дискурса.

Идентичности

Важная дилемма патриотического воспитания в постсоветских непризнанных государствах заключается в выборе между опорой на этнокультурную или гражданскую составляющую. В случаях с Абхазией, Южной Осетией и отчасти Нагорным Карабахом патриотизм и основанное на нем воспитание имеют выражено традиционалистскую этнокультурную специфику (см., например: [4, с. 29–32]). Такая специфика включает, помимо прочего, апеллирование к многовековому историческому прошлому титульных этнических групп, следование традиционному кодексу поведения и признание в качестве одного из ключевых ориентиров не только этническую группу и семью, но в ряде случаев и род [4]. На другом полюсе находится приднестровский патриотизм с сильным акцентом на гражданское воспитание и выраженным противопоставлением себя этническому национализму [5]. Те же компоненты несколько менее отчетливо и более формально отражены в концептуальных документах ДНР и ЛНР [6, 7].

^{**} Государства-патроны — страны, оказывающие де-факто государствам жизненно важные для последних поддержку и покровительство.

Более сложной концептуальной проблемой является гармоничное примирение патриотизма де-факто государства с трансграничной этнокультурной (в частности, общеармянской, общеосетинской или «русским миром») и гражданскими идентичностями, которым покровительствует государство-патрон. В данном отношении наиболее автономной представляется национальная идентичность Абхазии, которая практически не конкурирует с трансграничными этническими идентичностями, подразумевающими инкорпорацию в государство-патрон. Вместе с тем большинство граждан Абхазии одновременно являются и гражданами РФ, что в той или иной мере влияет на их политическую идентичность. В остальных случаях трансграничная этнокультурная идентичность в известной мере размывает национальную: нагорно-карабахский патриотизм позиционируется как составная часть общеармянского, южноосетинский — общеосетинского, патриотизм ДНР, ЛНР и отчасти ПМР — патриотизма «русского мира».

Такая комбинация идентичностей допускает, а иногда и открыто представляет желательным поглощение де-факто государства «патроном». В этом контексте патриотизм де-факто государства нередко позиционируется как гармонично сочетающийся с патриотизмом государства-патрона, как патриотизм переходной стадии на пути к объединению и даже как патриотизм «малой родины» (см., например: [3]). Сопричастность к патриотизму более обширной страны, помимо прочего, дает повод для гордости, создает чувство единства с мощным союзником-покровителем. Однако при этом даже заявляющие о желательности объединения с патроном де-факто государства скептически оценивают реальность инкорпорации в обозримой перспективе и считают длительное сохранение политического статус-кво наиболее реалистичным сценарием. Соответственно, конструированию национальной идентичности в любом случае уделяется значительное внимание.

Наконец, патриотическая идентичность де-факто государств строится на противопоставлении «себя» материнскому государству как враждебному Другому, реинтеграция с которым фактически видится главной угрозой. При важнейшем значении Великой Отечественной войны в политике памяти постсоветских государств часть оппонентов конструируется как фашисты: речь идет об украинском национализме и молдавском движении за румынизацию. Если в ДНР и ЛНР некоторые патриотические мероприятия позиционируются как антифашистские, то в приднестровских нарративах о Великой Отечественной войне нередко подчеркивается роль румынских войск как оккупанта приднестровской территории, а также пагубная роль прорумынского

национализма в Молдавии в развязывании вооруженного конфликта в Приднестровье в начале 1990-х гг. (см., например: [8]). Как известно, приднестровский патриотизм отнюдь не противопоставляет себя «молдавскости», а напротив, в соответствии с популярной в республике идеологией «молдованства» объявляет себя истинным хранителем молдавской идентичности, которой, как заявляется, угрожает поглощение Румынией (см., например: [9, р. 288–302]).

Практическое наполнение

Хотя большинство методов и практик патриотического воспитания постсоветских де-факто государств не отличается выраженным своеобразием, а отчасти и копирует аналогичные методы и практики государств-патронов, все же дефицит международного признания, ограниченность ресурсов, угроза со стороны материнского государства и частично разделяемая с государством-патроном патриотическая идентичность придают патриотическому воспитанию де-факто государств определенную специфику.

В большинстве постсоветских де-факто государств (менее выражено это в Абхазии) основная часть патриотическо-воспитательной активности осуществляется в рамках целевых программ. В то время как в ДНР и ЛНР такие программы посвящены патриотическому воспитанию в целом, программа ПМР посвящена гражданско-патриотическому, а программа Южной Осетии — духовно нравственному воспитанию.

Одной из ключевых организационных проблем патриотического воспитания в постсоветских де-факто государствах является ограниченность средств на их реализацию, из-за чего данные программы имеют скромные бюджеты и в большом количестве включают в себя мероприятия, финансируемые по другим статьям и направлениям (см., например: [10]). Большинство других проблем достаточно типичны для патриотического воспитания вне рассматриваемого контекста. В числе таких проблем можно отметить слабый интерес молодежи к формальным мероприятиям, включение в программы патриотического воспитания имеющих малое к нему отношение мероприятий, слабый контроль за использованием средств, нечеткость критериев оценки эффективности и самые широкие возможности манипулирования ими и т.п. (см., например: [6, 7]).

Во всех постсоветских де-факто государствах практическое наполнение патриотического воспитания имеет сильную военизированную составляющую, поскольку угроза со стороны материнского государства позиционируется властями

и, по-видимому, воспринимается ими как реальная. Наиболее сильно эта составляющая выражена в Нагорном Карабахе, где существует должность министра по вопросам военно-патриотического воспитания, молодежи, спорта и туризма. Реализация военно-патриотического компонента включает в себя специальные уроки, военно-спортивные клубы, лагеря, соревнования. Хотя объектом военно-патриотического воспитания в большинстве случаев являются потенциальные призывники мужского пола, в некоторых случаях (например, в Нагорном Карабахе и Абхазии) к участию в соответствующих мероприятиях активно привлекаются и девушки (см., например: [11]).

В патриотическо-воспитательных мероприятиях постсоветских де-факто государств значительное место отводится апелляции к исторической памяти и коммеморации ключевых исторических событий. Часть событий (Великая Отечественная война и война в Афганистане) и символов имеют отношение к общему с государством-патроном советскому прошлому. Другая часть («войны за независимость» 1990-х гг.), значимость которой подкрепляется открываемыми памятниками и создаваемым пантеоном героев де-факто государств, используется в мероприятиях, призванных подчеркнуть полноценность государственности. Как подчеркивалось выше, эти составляющие относительно гармонично сочетаются друг с другом в официальном дискурсе.

Заключение

Дефицит международного признания оказывает определенное прямое и косвенное влияние на специфику патриотического воспитания в постсоветских де-факто государствах. Неполноценность международного статуса и ограниченность ресурсов в сочетании с неясностью перспектив будущего развития делают более сложным культивирование гордости за свое государственное образование и уважения к его органам власти. Сильнейшее идеологическое влияние государства-патрона и повсеместно распространенные в де-факто государствах практики двойного гражданства создают потенциальный конфликт между ориентированной на государство-патрон патриотической идентичностью и идентичностью самих постсоветских де-факто государств. Тем не менее, последние считают эти проблемы решаемыми и уделяют патриотическому воспитанию заметное внимание как части процесса государственного строительства, делая ставку на программы, приоритеты которых определяются с учетом местной политической, исторической и этнокультурной специфики.

Библиографический список

1. Голунов С.В. Патриотическое воспитание в России: за и против // Вопросы образования. 2012. № 3.
2. Krasner S. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, NJ, 1999.
3. Богоява О.Ф. Приоритеты в системе гражданско-патриотического воспитания молодого поколения в ДНР // Русский мир: проблемы духовно-нравственного, гражданскопатриотического воспитания и пути их решения : материалы Международной научно-практической конференции (Донецк, 24 октября 2018 г.) / под ред. С.В. Беспаловой. Донецк, 2018.
4. Анкваб М.Ф. Формирование патриотизма средствами абхазской народной педагогики // Современные научные исследования и разработки. 2017. № 2.
5. Идеологическая концепция гражданско-патриотического воспитания в Приднестровской Молдавской Республике на 2020–2026 годы. URL: <http://gov-pmr.org/content/documents/2020/20.pdf/>.
6. Республиканская программа патриотического воспитания граждан Донецкой Народной Республики на 2020–2022 гг. URL: <https://pravdnr.ru/wp-content/uploads/2020/05/postanovlenie-22-3.pdf/>.
7. Государственная целевая программа «Патриотическое воспитание подрастающего поколения Луганской Народной Республики на 2016–2020 годы». URL: <https://sovminlr.ru/akt/29.12.2016/723.pdf>.
8. Премьер: иммунитет к национализму нужно укреплять через патриотическое воспитание молодежи // Приднестровская Молдавская Республика. Официальный сайт Правительства. 19.06.2018. URL: <http://gov-pmr.org/item/12197/>.
9. Voronovici A. Internationalist Separatism and the Political Use of “Historical Statehood” in the Unrecognized Republics of Transnistria and Donbass // Problems of Post-Communism. 2020. Vol. 67. Issue 3.
10. Дзагоева Р. О проекте программы духовно-нравственного воспитания. Необходимые направления в соседстве с несурзацими // Республика : газета. 22.03.2020. URL: <http://republikarso.org/analytics/3003-o-proekte-programmy-duhovno-nravstvennogo-vospitaniya-neobhodimye-napravleniya-v-sosedstve-s-nesurazicami.html/>
11. Итоги XV юбилейной Республиканской военно-спортивной игры «Аиааира» 2019 // Sputnik Абхазия. 26.10.2019. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20191026/1028691508/Obschiy-sbor-voenno-sportivnaya-igra-Aiaaira-proydet-v-Abkhazii.html/>